

Чэн Фэнтай прекрасно понимал: актёры — безумцы, а зрители — фанатики. Сейчас, с такой помпой выпуская новую пьесу, если она окажется неудачной, то потеря лица от критики — ещё полбеда. Хуже, если любители оперы сойдут с ума и натворят чего-нибудь смертельного. Будучи человеком со стороны, он так и думал, хотя на самом деле любители оперы бесились только из-за вольного обращения с классическими пьесами, а к успеху или провалу новой постановки относились довольно равнодушно.

Чэн Фэнтай, похлопывая Шан Сижую по заду, после раздумий медленно произнёс:

— В день твоего нового спектакля я попрошу у шурина солдат, пусть охраняют театр. Кто посмеет буяннить — сразу избьют и в участок. После пары таких случаев все успокоятся.

Шан Сижуй поднял на него взгляд, казалось, слегка удивлённый:

— Как так можно! С солдатами играть! Такого никогда не было!

— А разливать кипяток — это было в правилах? Если бы они просто ругались, я бы и не лез в ваши актёрские дела. Но если вдруг найдётся отчаянный тип, который вместо кипятка плеснёт азотной кислоты... — Чэн Фэнтай ущипнул Шан Сижую за щёку:

— Такую красивую мордашку жалко портить.

Шан Сижуй лишь махнул рукой.

В последующие дни Шан Сижуй был занят не только репетициями новой пьесы, но и выступлениями в Тереме Водных Облаков, а также обучением Малыша Чжоу «Чжаоцзюнь покидает пределы Родины». Он планировал, чтобы Малыш Чжоу дебютировал в разогреве перед его новой пьесой, и нужно было подготовиться основательно, чтобы произвести фурор. Шан Сижуй никогда не верил в постепенный успех, считая, что это всего лишь вопрос знакомств. По-настоящему талантливый должен покорять с первого выхода на сцену.

Из-за приближающейся премьеры Шан Сижуй не любил лишних перемещений, и ворота его дома часто стояли открытыми, собирая коллег для репетиций прямо во дворе. Во дворе Дома Шанов не было лишних вещей вроде навесов или аквариумов, только чистота и одна слива, оставлявшая место для тренировок. Да и семейных ограничений не было: служанка Сяо Лай умела ухаживать за актёрами, заваривала им чай из плодов лохана и семян стеркулии, готовила с минимумом соли, избегала холодного, чтобы не навредить голосу. Лучшего места для собраний не найти. Звезда сцены репетировала здесь, а дети соседей, забравшись на забор, смотрели и, забыв, что подглядывают, всюю кричали «браво!».

Малыш Чжоу с помощью Юань Лань и других ушёл от Сы Си'эра и временно поселился у Шан Сижую учиться. Шан Сижуй был слишком занят, чтобы много им заниматься, и Малыш Чжоу мог спрашивать совета только урывками. Но Шан Сижуй явно не отличался терпением, иногда раздражался от вопросов, отвечал резко или кратко, либо просил подождать, пока закончит свои дела, а ждать приходилось долго. Шан Сижуй был действительно очень занят. Самое большое, что он делал для Малыша Чжоу, — это каждое утро около четырёх часов открывал дверь его комнаты, полуспящий, прислонялся к косяку и смотрел на него, словно призрак на

рассвете. Смотрел, пока тот не просыпался и не шёл на тренировку голоса, а сам потом снова заваливался спать. Также он соорудил для Малыша Чжоу особую кровать: только две опоры для головы и ног на табуретах, а посередине пустота. По словам Шан Сижую, это хорошо для спины. Но при этом его собственная кровать была застелена двумя толстыми матрасами. Чэн Фэнтай, случайно увидев, посмеялся, что Шан Сижуй издевается над ребёнком. Тот фыркнул:

— Ты ничего не понимаешь! Моя спина уже натренирована, а он ещё молод, ему не хватает силы.

Услышав это, Чэн Фэнтай схватил Шан Сижую за талию, так и хотелось его раздеть и проверить, насколько сильна его спина. Но в последнее время такой возможности не было. Шан Сижуй был слишком занят, все от него зависели, и у него не было настроения для романтических утех. Чэн Фэнтай надеялся, что они поскорее закончат с пьесой и разойдутся, чтобы не занимать Шан Сижую целыми днями и не мешать их встречам. Конечно, Чэн Фэнтай не избегал Шан Сижую и каждый день навещал Дом Шанов. Актёры уже слышали о близких отношениях Второго Господина Чэна и Шан Сижую, и это было обычным делом, поэтому относились к Чэн Фэнтаю вежливо и естественно. Юй Цин, сама страдающая от любовных переживаний, была чувствительнее к таким вещам. Хотя она не проявляла этого явно, но в её словах и улыбке Чэн Фэнтай чувствовал, что она понимает их лучше, чем они сами. Ду Ци по-прежнему смотрел на Чэн Фэнтая с крайним неодобрением, и если не дрался и не ругался, то это уже было проявлением уважения. Он спросил Сяо Лай:

— Почему Жуй-гэ связался с таким человеком? Мне кажется, он просто богатый бездельник, хитрый и нехороший.

Сяо Лай полностью согласилась.

День премьеры новой пьесы всё ближе. Актёры были в полном хаосе. Шан Сижуй был гениальным актёром, но не руководителем. Ему можно было доверить роль, и он сыграл бы её до совершенства. Но если поручить ему управление постановкой, это бы закончилось катастрофой, что видно по состоянию Терема Водных Облаков. Если бы не Юй Цин и Ду Ци, было бы непонятно, как вообще начать репетиции. Шан Сижуй просто стоял бы и указывал на недостатки, выдвигая невыполнимые идеалистические требования, и если бы его не слушали, говорил:

— Вы вообще меня не уважаете! Спрашиваете моё мнение, но не слушаете. А я всегда прав...

Юй Цин была на грани отчаяния, готовая назвать его предком, и бросала Чэн Фэнтаю умоляющий взгляд. Тот улыбнулся, положил руку на плечо Шан Сижую:

— Шан-лаобань, какой вы вспыльчивый! Я знаю, вы просто голодны. Пойдёмте перекусим. В отеле «Шесть наций» иностранцы делают отличный миндальный тофу!

И так, уговаривая и обнимая, он увёл Шан Сижую, позволив репетициям продолжиться в нормальном порядке. В итоге они пришли к негласному соглашению: Юй Цин и Ду Ци занимались постановкой, а Чэн Фэнтай — успокоением Шан Сижую, чьи выходки могли создать больше проблем, чем вся пьеса. Не зря он был главой Терема Водных Облаков.

За три дня до премьеры Чэн Фэнтай действительно пошёл к Командующему Цао за солдатами.

Обычно он использовал его войска для перевозки товаров, что было равноценно найму охраны, но с лучшим оружием и боевым опытом. После сделки они делили прибыль с Командующим Цао в соотношении 20:80, что было выгодно и безопасно. Однако на этот раз он просил солдат не для дела, и в присутствии сестры Чэн Мэйсинь ему было трудно объяснить это. Пообедав в резиденции Цао и поболтав о пустяках, он сказал, что хочет обсудить с шурином дело, и Чэн Мэйсинь не стала вникать.

Когда они остались наедине в кабинете, Командующий Цао, жуя зубочистку, с улыбкой достал из ящика серебряную коробку с сигарами и без церемоний бросил её Чэн Фэнтаю:

— На, английские! Я их не выношу!

Чэн Фэнтай не стал благодарить, сразу открыл коробку, взял сигару, закурил и с наслаждением затянулся:

— Отличные, настоящие. Эх, шурин любит всё заморское!

На столе стояла тарелка с нарезанными фруктами, и Чэн Фэнтай, используя зубочистку, начал есть их вместе с сигарой.

Командующий Цао, продолжая ковырять в зубах, сказал:

— Я не люблю заморское! У иностранцев, кроме оружия и женщин, ничего путного нет!

Чэн Фэнтай ухмыльнулся, и Командующий Цао, поняв намёк, ответил ему тем же. Два распутника начали обсуждать иностранных женщин, и когда атмосфера накалилась, Чэн Фэнтай вдруг сказал:

— Шурин, одолжи мне отряд солдат.

Командующий Цао поднял подбородок:

— Куда на этот раз?

Чэн Фэнтай махнул рукой с сигарой:

— Никуда. Всё в Бэйпине. Не спрашивай. Одолжишь?

Командующий Цао прищурился, глядя на этого красивого и харизматичного молодого человека. Он только что накормил его обильным обедом, напоил своим лучшим вином, дал ему сигары и фрукты, а теперь тот просит солдат и даже не позволяет спросить, зачем они нужны — он практически превратил этого негодяя в своего сына! А к своему сыну он так не относился!